

Дождь

В пятиэтажном панельном доме на четвертом этаже горела квартира. Из разбитых окон шел густой дым.

Иногда внутри квартиры что-то вспыхивало и тогда в клубах дыма мелькало и исчезало красноватое пламя.

Там, внутри, горели шкафы с одеждой, горели занавески и телевизор. Пламя змейкой пробегало по стенам, куски горящих обоев падали на ковер. На кухне в стене зияла огромная дыра с повисшими на арматуре кусками бетона, пол в кухне обвалился на нижний этаж.

В непроглядном дыму в спальне на стенах остались висеть фотографии в рамках, - вырванные из времени и перенесенные на пленку кусочки чьей-то жизни. Стекла полопались, от задымленности и недостатка кислорода фотографии не вспыхивали мгновенно; тлели, обугливались, пузырились на глянце чьи-то лица: веселые и серьезные, младенческие и пожилые; покрывались черными пятнами, дымились, затем на лицах появлялись огоньки. Горела чья-то жизнь.

Дым из окон горячей квартиры клубами поднимался в небо. Небо над пятиэтажкой было ясное, голубое, - утреннее.

Двор дома выглядел пустым и безжизненным. На асфальте валялись посеченные ветви деревьев и битое стекло. Окна всего подъезда, где горела квартира, были выбиты взрывной волной. Сразу за пятиэтажкой начинался пустырь, а дальше дома частного сектора, тянувшегося до самых окраин города. С высоты птичьего полета можно было бы увидеть, что там, среди шиферных крыш и зелени деревьев постоянно мигают вспышки и поднимается вверх белый и черный дым.

Вся окраина как будто вымерла. В самом городе тоже было безлюдно. По центральной улице, не обращая внимания на светофоры, истошно завывая сиреной, пронеслась машина скорой помощи. Где-то за домами слышались отголоски еще одной сирены.

Затем раздался звук тяжелого удара, словно кто-то сбросил с высоты огромный мешок с песком, прошел эхом между домами, - ...Ааааах...

По медным кабелям, по прерывающейся сотовой связи, на подстанции скорой помощи одновременно шли десятки звонков, и разные голоса: мужские и женские, требующие и умоляющие, истеричные и взволнованно-деловые кричали в наушники одуревшим диспетчерам:

- Перекресток Советской и Леси Украинки, женщина лежит, прямо на асфальте, срочно пришлите машину, кажется, она умирает, глаза у нее закатываются, вся голова в крови....

- Советская пятьдесят шесть, мужчине плохо, это мой муж....

- Девушка, слушай меня! У меня тут пять бойцов раненых, - двое тяжелых, осколочные ранения. Давай быстро «скорую»! Если они умрут, я тебя из-под земли достану! Это окраина Александровки, блокпост, что на Донецк, знаешь? У нас тут обстрел, но «скорую» встретим! Давай милая, шевели своих....

- Девушка, еле до вас дозвонилась, ало, ало....

Под тревожный вой сирены, под шум радиации, называющей и называющей новые адреса, напряженный до предела водитель скорой повернулся к сидящему в салоне врачу и зло выдохнул:

- Куда ехать? Все вызовы с Александровки, а там стреляют. Слышишь?! Расшмоляют нас вместе с ранеными. Прорыв начался! Отключай связь, самим бы уцелеть...

В центре города, по улице Ленина, на втором этаже старого сталинского дома звуки глухих ударов звучали через стекло далеко и безобидно, как сквозь вату. Четырехлетняя девочка с заколкой в волосах, встав на детский стул, прилипла к окну, затуманив стекло своим дыханием.

В глазах девочки читался жгучий интерес.

За окном происходило что-то необычное. Улица как будто вымерла. На автобусной остановке, где стояли киоски, сейчас не было ни одного человека. Проезжая часть тоже была пустой. Впереди за домами в небо поднимался черный столб дыма.

Спустя долгий промежуток времени на проезжей части показалась одинокая машина. Старый, с пятнами ржавчины «Москвич» пронесся по улице в направлении раскатов, виляя на ходу. Было заметно, что машина до отказа набита людьми в камуфляже, из открытых окон выглядывали чьи-то локти и стволы автоматов.

В скором времени, вслед за «Жигулями», в том же направлении промчалась иномарка. За рулем сидел священник. Он управлял машиной правой рукой, а левую, неизвестно зачем, выставил в окно, подняв в ней металлический крест, какой прихожане обычно целуют в конце проповеди. Может, он решил, что силой креста способен остановить войну.

Глаза у батюшки были дикие.

Большая, с отливами зелени муха с размаху ударилась о стекло. Девочка от неожиданности отпрянула от окна, чуть устояв на детском стуле.

– Полина! Быстро от окна! – раздался резкий голос матери. - Сколько раз говорила, - не стой там. Иди на кухню к сестре!

- Юра...! - это уже предназначалось мужу. – Ты доверенность на машину нашел?

В квартире царил суета лихорадочных сборов. Мама, - в спортивных штанах, в майке, босая, металась по комнате, собирая сумки. Подбежала к открытому настежь шкафу, схватила лежащую на полке стопку отглаженного постельного белья, сунула ее в одну из раскрытых клеёнчатых сумок, потом, спохватившись, что в скитаниях в неизвестности постельное белье - это не самое важное, вытащила его обратно. Молодая женщина с хвостиком черных окрашенных волос сейчас мучительно пыталась сообразить, что из множества самых разных вещей в квартире им нужнее всего.

Цветы на подоконнике, аквариум с рыбками, встроенная техника на кухне, пуховые одеяла и игрушки Полины, - все это теперь оставалось в прошлом. Война переоценивает ценности, отсекая все лишнее; весь багаж вещей, который мы тащим по жизни, оказывается совершенно не нужным, - ни уезжающим, ни тем, кто остается. Рыбки умрут, цветы засохнут, зимой в разбитые окна наметет снега, и окажется, что важнее всего на свете не модные гарнитуры и полки с книгами, в которых хранится вся мудрость человечества, а спички, соль, свечи и батарейки для фонариков, чтобы пережить зиму без света в подвале...

– Мама, а мы рыбок возьмем? Они будут без нас скучать, - просила из кухни маленькая Полина.

- Ира, а где моя подзарядка для планшета? - кричал из соседней комнаты муж. Все хотелось забрать с собой, все считалось жизненно необходимым. Не отвечая мужу, Ирина метнулась к окну, всматриваясь в окружающее пространство.

За окном было очень нехорошо. Безлюдно, тихо, и в этой тишине вдруг загремела длинная пулеметная очередь.

Тах, тах, тах, ах, ах..., - разнеслось эхом по крышам.

- Юра! Быстрее! – с умоляющими нотками в голосе крикнула молодая женщина, вновь побежала к шкафу и, уже не выбирая, не думая ни о чем, кроме того, что ее семье надо как можно быстрее покинуть город, принялась скидывать в сумки все, что попадало под руки.

Маленькая Полина на кухне, устав от этой суеты, прикладывала ладони к ушам, чтобы не слышать, как перекрикиваются взрослые. Как только ладони закрывали уши, вокруг сразу наступала тишина, как в подводном царстве. Затем обрывки слов, - и снова тишина. Она не

разделяла всеобщей тревоги, ей было обидно, что на нее никто не обращает внимания.

- Мама, а мой телефон в России будет брать? – в тон взрослым кричала десятилетняя Юля.

Но ее вопрос остался без ответа. Маме было некогда.

Война в Донбассе началась еще в мае, но до этого августовского дня ее присутствия в небольшом шахтёрском городке почти не замечалось. Война шла по телевизору, по всем новостным каналам.

На Украину было доставлено оружие, - абсолютное оружие, причем прибывало оно не в трюмах кораблей и не транспортными самолетами: оно не весило ничего, и не стоило ни копейки, имея вид идеи и скорость распространения эпидемии. Это оружие называлось ненавистью. Кто его поставлял, знал, - была бы ненависть, а автоматы люди найдут сами.

В экранах горели дома, плакали какие-то старушки, бежали женщины с детьми. Это по телевизору. В самом шахтерском городке, расположенном всего в сорока километрах от Донецка, ничего подобного не происходило. Стояла жара, трава в степи пожелтела под зноем солнца, с полудня городок погружался в привычную дрему, ночью телевизоры выключали, и наступала умиротворяющая тишина.

В черноте неба светили звезды, пели сверчки, с окраин изредка доносился лай собак.

Кругом царила тишина и покой. И в этой тишине, заглушая ноющую нотку тревоги, росла и утверждалась уверенность, что завтрашний день будет таким же привычным и будничным, как и вчера.

Пропали многие лекарства из аптек, на шахтах перестали платить зарплату, вместо многих сортов хлеба на полках магазинов остался только один, - социальный, но оказалось, что этого вполне достаточно. Работали школы и детские садики, продолжали работать некоторые предприятия и поликлиники. Война бродила где-то вдалеке, и жители пока не воспринимали ее как реальность.

Город жил слухами. Рассказывали, что в районную больницу ночью с трассы привезли двух раненых российских офицеров, крымчан, что утром СБУ оцепило больницу, но никого там не нашли, - что раненых офицеров спасла одна медсестра, заблаговременно выведя их из больницы и спрятав у себя дома. Потом как-то незаметно со здания администрации исчез украинский флаг, а на выездах из города появились блокпосты. Вместо бетонных блоков на асфальте там лежали

сложенные одну на другую десяток автомобильных покрышек, и местные ребята, почти мальчишки, с напускной строгостью спрашивали каждого проезжающего водителя, - «Куда едешь? Цель поездки?», после чего пропускали, независимо от ответа.

Все это походило на игру в войну.

Затем в городке появились первые беженцы. Ошеломленные, раздавленные, еще не осознавшие, что спасены, с наспех собранными сумками и такими же испуганными детьми, они рассказывали страшные вещи: говорили о тяжелейших обстрелах; о том, как в больницах Донецка и Горловки кровь с пола тряпками выжимают в ведра, и о том, как священники отпевают людей целыми подъездами. Большинство беженцев стремились дальше, на Ростов, а некоторые оставались здесь, у своих родственников и знакомых, надеясь, что война не пойдет за ними следом, и не тронет тихий провинциальный городок в степи.

Уехали в Киев коммерсанты, державшие в руках местный бизнес, уехали главные врачи, краснощекие полковники МВД и начальницы ЖЭКов; еще до появления на дорогах первых блокпостов город покинула почти вся верхушка администрации. Уехали те, кто всегда убегает мышинной побегкой, когда в стране начинаются перемены. А оставшиеся придумывали себе тысячи причин, чтобы не срываться с места в неизвестность, как листки, гонимые ветром.

- Да ладно Ириш, чё дергаться, пока денег нет, - рассуждал муж, сидя у телевизора, отвечая на ее взволнованный рассказ о приближении фронта. – Сама подумай, ну куда нам с детьми на пустое место? Кому мы там нужны? Вот на днях поговорю с ребятами, которые в Москве по евроремонтам работали, может, у них там какие-то связи остались, чтобы меня устроить. У нас на работе говорят, что зарплату скоро дадут за два месяца. Тогда и будем решать. Успокойся, не будет у нас войны. Мне один офицер из ополчения лично говорил, что скоро все утихнет. Лучше не дергаться и подождать, чем скитаться по вокзалам....

В словах мужа чувствовалась некая надежность, уверенность, которую отчасти разделяла и Ирина. А именно: никто из них в глубине сердца не верил, что война может напрямую коснуться их семьи. Городок продолжал жить тревожной, но, в общем-то, привычной жизнью. Мама мужа имела частный дом, а там огород и сад, закатки с огурцами и компотом. У самой Ирины в городке оставался отец, маму на лето забрала к себе старшая сестра, проживающая в Запорожье. У отца тоже был свой дом, хозяйство, куры и кролики в клетке. Переждать плохие времена здесь действительно представлялось проще, чем на чужбине.

И успокоенная Ирина уходила в комнату, укладывая детей, а потом еще долго простаивала у окна, вглядываясь в ночь за стеклом.

Приближающийся фронт представлялся ей некой огненной полосой, отсвечивающей красноватыми всполохами и заревом пожаров. Но пока ничего пугающего за стеклом не было.

Вся северо-западная сторона чернела темнотой, в небе мерцали звезды.

- Господи, пронеси, - шептала в темноте Ирина под мерное дыхание спящих дочерей, успокаивая себя этой тишиной. Точно такие же слова звучали сейчас в самых разных концах городка.

Не пронесло....

Пришедший в движение фронт походил на волну цунами, когда поверхность внешне спокойного моря вдруг вздымается огромным бугром, и волна в считанные секунды достигает берега. Весь мир вокруг мгновенно пришел в движение, события летели с нарастающей быстротой, крутили в водоворотах, швыряли о камни, и не было больше минутки, чтобы вынырнуть, схватить воздуха и хоть как-то прийти в себя.

Никто не знал, откуда в городке появилось слово «прорыв». Наверное, оно исходило от военных, таких же ошеломленных, как недавние беженцы из пригородов Донецка. А ранним утром все в городе услышали отзвук первого артиллерийского выстрела. Гудя низкой частотой, снаряд пролетел над крышами домов и врезался в стоящую отдельно пятиэтажку.

Эхо разрыва волной прошло по окрестностям, и тотчас же вся северная окраина замигала вспышками, и в небе раздались тяжелые удары, похожие на звуки грозы. Завыли, а затем смолкли скорые, и над крышами частного сектора поднялся дым первых пожаров.

Посреди многих квартир мгновенно появились раскрытые чемоданы, распаивались настежь шкафы, летели на пол вещи. Уже не было споров, куда ехать и на что. Теперь не стоял вопрос о ценах на съемную квартиру, и о том, какие справки надо выбрать детям.

Все, что волновало еще вчера, - оставленные на работе трудовые книжки, долги соседям, - сотни насущных вопросов, которые, как паутиной, оплетали, сковывали принятие решения, разом исчезли и остались где-то в прошлом. Все стало неважным.

Надо было спасаться.

Мысли рвались за город - туда, где степь и пыльные дороги, уходящие на восток, в Россию, огромную страну, где не стреляют, и где, наконец, отпустит панический страх за себя и детей.

Но до Ростова надо было еще добраться. Фронт порвался во многих местах и теперь никто не знал, где находится ополчение, где части ВСУ, а где российские десантники, о которых истерично вещали все украинские телевизионные каналы.

Танковые выстрелы теперь слышались не только на севере, но и на востоке, и на юге. Сотовая связь пропадала, в телефонах слышалось глухое молчание или воркующий женский голос повторял с механическим упрямством, - «линия перевантажена, будь ласка зателефонуйте пизнийше». Это означало, что к городку уже подошли военные КАМАЗы с аппаратурой глушения связи в фургонах. Сейчас даже самый знающий человек бы не сказал, каким путем безопасней покинуть город.

Каждое мгновение в разных местах происходили сотни событий; казалось, что время с бешеной скоростью ускорило свое движение, как раскручивающаяся спираль. За один час можно было прожить несколько жизней, растратить все эмоции, которые отмерены на годы вперед.

Секунды уходили безвозвратно, и шептал где-то под сердцем тихий вкрадчивый голосок, - «не успеешь, не успеешь...».

В глубине души Ирина всегда считала себя трусихой. В детстве она боялась пьяных, боялась темноты и скандалов родителей. С годами девушка выросла, и страхи тоже становились взрослыми. Они никуда не уходили, изменялись, сидели где-то под сердцем, постоянно напоминая о себе даже тогда, когда все хорошо, и кажется, что жизнь идет только к лучшему. Теперь вместо темноты она боялась за детей, за здоровье папы, боялась, что муж полюбит другую, а может, уже полюбил, только скрывает это, по инерции оставаясь к ней заботливым.

Она всегда чего-то боялась, но сегодня утром оказалась, что она еще не знала о страхе ничего.

- Нам еще к папе заехать надо. Я его здесь не оставлю, - крикнула Ирина мужу, мечась по квартире.

Как только она и муж услышали слова «прорыв», они больше не спорили. Четырёхлетняя Полина видела, что с самого утра папа и мама стали какими-то одинаковыми, - напряженными, решительными, понимающими друг друга с одного взгляда. Лишних слов уже не говорилось. Они собирались в спешке, но время уже приближалось к двенадцати часам дня, а сборы все никак не могли подойти к концу.

Документы и необходимые вещи, которые еще вчера постоянно попадались на глаза, сейчас колдовским образом куда-то прятались, обнаруживаясь в самых неожиданных местах. Оказалось, что бензина на заправках нет, да они и не работали, пришлось по пропадающей сотовой связи битый час дозваниваться до знакомых, чтобы они привезли канистру бензина. Муж подогнал к подъезду старые белые «Жигули», доставшиеся ему от родителей, но они не заводились, и он бегал взад-вперед со двора в квартиру за гаечными ключами, в шортах и майке, весь испачканный сажей двигателя.

- Юра, быстрее, - просила его мама.

Тикали часы, уходило драгоценное время.

В квартире, с распахнутыми настежь шторами, с цветами на подоконнике, которым суждено завянуть, с раскрытыми шкафами, стало неуютно как на вокзале. Прошла вечность, прежде чем, наконец, папа произнес: «все», скрываясь в ванной комнате мыть руки, и мама тут же прекратила возиться с сумками.

- С Богом, - сказала она, выведя детей на лестничную площадку, закрывая за собой входную дверь. Оставалось только вставить ключ в замок, на два оборота защелкивая за собой прошлую жизнь.

На лестничной клетке Ирина обернулась и размашисто перекрестила входную дверь квартиры, словно наложила на нее невидимую защиту от мародеров. Двое детей стояли рядом.

Десятилетняя Юля, не в полной мере, но все же понимала важность той минуты. Ее лицо было по-взрослому серьезным, насупленным, на переносице прорезалась складочка. Полина ни о чем не переживала. Мама и папа были рядом, готовые в одну минуту защитить ее от любой неприятности; сильные и абсолютно бесстрашные, всегда знающие, что надо делать, не боящиеся ни темноты, ни страшных снов.

Взрослые постоянно говорили о чем-то непонятном, носящем женское имя - «война». Что это такое - Полина не знала, но ей казалось, что стоит маме только прикрикнуть, и эта война мгновенно спрячется там, откуда пришла.

- Поехали, - сказала Ирина мужу, садясь в машину.

Словно в подтверждении, что времени уже не осталось, в небе раздался тяжелый раскатистый удар.

Думмммм... ммм... аххх...

И еще стрельба пачками вдалеке, словно где-то за домами веселая свадьба и рвались петарды.

Девочек посадили на заднее сидение. Юля сидела неподвижно и строго, как на уроке за школьной партой. Полина тут же передвинулась по нагретому солнцем сидению от сестры и принялась смотреть в окно.

Она запомнила момент отъезда с фотографической четкостью, память навсегда отложила в своих глубинах каждый фрагмент: и безлюдность залитого солнцем двора, и пустые детские качели, и разомлевших от жары голубей на карнизе одного из окон. Шелестела на слабом ветру листва тополей.

Загудел и смолк стартер. Папа с секунду подождал и опять повернул ключ зажигания. Двигатель завелся, застучал с перебоями, затем заработал ровно. Машина тронулась с места, выезжая из двора направо, по направлению частного сектора, где жил мамин отец.

Было около часа дня.

Дом дедушки находился в конце тихой тенистой улочки. Частный сектор утопал в садах, за каждым забором зеленели яблони и грецких орех. По двору ходили куры.

Сам дедушка, в клетчатой рубашке, с очками на носу, стекла которых делали его серые добрые глаза немного выпуклыми, вышел встречать дочь и внуков, раскрыв ворота перед машиной. Но «Жигули» не стали въезжать во двор. Муж Ирины остался за рулем, не выключая двигатель. К дедушке направилась одна мама. Собираясь в другую страну, она так и не успела переодеться, оставаясь в спортивных штанах и шлепках на босу ногу.

- Папа, ты собрался? - вместо приветствия спросила она, вылезая из машины.

- Я готов, - дедушка не казался очень обеспокоенным. – Деньги и документы взял. Соседей попросил, чтобы за домом присмотрели. В Ростове у меня товарищ давний, лет десять с ним не виделся. Адрес я записал. Пристрою вас у него на первое время.

Все мы вечные дети, даже когда сами родители. В трудную минуту ищем родительского плеча, - стены на которую можно опереться и снова стать сильным. Забирая отца, Ирина искренне желала ему помочь, но в тайне верила, что это он поможет им. Папа сядет в машину и всем сразу станет легче. Пять минут назад они собирались в неизвестность, движимые одним желанием - спасти детей, а папа тут же обозначил конкретный адрес. Его добрый взгляд за стеклами очков словно говорил, - не стоит так волноваться, до границы всего сто пятьдесят километров,

два часа пути, это не край света. К вечеру они уже будут на месте, поменяют гривны на рубли, и заснут спокойно, расположившись в квартире друга. Переждут тревожные времена и вернутся домой. В общем-то, обычная поездка с возвращением назад.

- Я тут пакет с водой и бутербродами приготовил. До Ростова хватит. Лишь бы на границе долго не стоять, - бодро произнес дедушка. – Ну, давай, - ты к детям, а я вперед. Только ключи соседям отдам....

В глазах дедушки читался многолетний опыт. В свои шестьдесят три года он знал все. Он знал, как честно прожить жизнь, как построить дом и вырастить детей, как распределить свои средства так, чтобы не влезть в долги, как не разлюбить своих близких и самому не стать нелюбимым. Он знал тысячи самых разных вещей, но все его знания касались привычной мирной жизни.

Если человек оказался в зоне активных боевых действий, первый ему совет – никуда не бежать. Спуститься в подвал, спрятаться в погребе, - если нет погреба, ложиться в коридоре на пол, закрывая собой детей, и ждать. А там как Бог даст. Но не бежать, превращаясь в движущуюся цель для обеих сторон. Дедушка этого не знал.

Он также не знал, - да и откуда ему было знать, что наступление атакующих частей уже было остановлено, что война обошла город и сместилась в степь, как раз на обоих направлениях к границе. Что выезжать сейчас туда чистое безумие, все равно, что ехать прямо в бой.

- На Иловайск лучше не поворачивать. В той стороне с утра что-то гремело, - посоветовал он, располагаясь на переднем сидении, поздоровавшись с папой. – Поедем через Старобешево и Новоазовск. Чуть дальше, но спокойней.

Путь на окружную дорогу вел через центр города. Проезжая мимо опустевшего городского рынка Ирина увидела стоящую на тротуаре пожилую женщину, несмотря на жару, одетую в вязаную жилетку. Эту женщину она видела не в первый раз. Пожилая беженка приехала в городок из района Донецкого аэропорта с одним пакетиком вещей, и теперь днями ее постоянно можно было видеть на городском рынке. Очевидно, у нее что-то произошло с психикой. Едва на улице слышался какой-нибудь резкий звук, она хватала проходящих мимо людей за руки и, впиваясь безумными округлёнными глазами, с ужасом говорила:

- Вы слышите? Началось, началось...!!!

Она жила в двух измерениях, постоянно видя перед собой картинки из недавнего прошлого. Как будто тело убежало с потоком беженцев, - жить дальше, а сознание навсегда осталось там, где танки в упор расстреливают дома и на улицах лежат разорванные на куски люди.

Каждый день с утра до вечера она стояла на рынке и проклинала сбежавшего президента Януковича.

Так было и сейчас.

- Где ты?! – истерично кричала она, грозя небу кулаком, - Бросил нас погибать!!! Ты же с Донбасса, мы за тебя голосовали, доверились тебе, а ты бросил свой народ...! Приезжай сюда и умирай вместе с нашими мальчиками!!! Сиди в подвалах, - с женщинами, с малыми детьми, умирай вместе с нами, если ты хоть чего-то стоишь. Раздели свою судьбу с народом, ты, - трус...!

Чтобы выбраться на Мариупольскую трассу, «Жигулям» надо было доехать почти до Донецка. На объездной дороге папе пришлось съехать на обочину. В направлении на Донецк двигалась колонна бронетехники. Грохоча и лязгая гусеницами, выбрасывая в сторону струи черного дыма, по асфальту шли танки и БМП. На броне сидели военные в касках, в бронежилетах, с автоматами. Некоторые из них выглядели совсем мальчишками.

Покачиваясь вслед рывков машин, они сверху посматривали на машины с беженцами, их лица были светлы какой-то молчаливой гордостью, какой-то тайной. Словно они осознали, что собственная жизнь на земле, - это еще не самая главная ценность, что есть у человека, - что есть что-то еще более ценное.

На одном из бронетранспортеров с огромными колесами развевался бело-синий Андреевский флаг, а на флаге от руки был написан лозунг морской пехоты России, - «Живи сильно, умри достойно», словно в противовес поступку струсившего президента Януковича.

Белые «Жигули» пропустили колонну и спустя несколько минут свернули на дорогу, ведущую в сторону Новоазовска и Мариуполя.

В этом направлении трасса была совершенно пуста.

Пекло солнце. Над нагретым асфальтом дрожал воздух. По обеим сторонам шоссе в ряд зеленели высокие пирамидальные тополя. Вокруг простиралась бескрайняя, поросшая желтым ковылем степь. Синело небо. Иногда в окне мелькали неубранные подсолнечные поля.

Стрелка на спидометре дрожала на отметке в сто километров. Машина подпрыгивала на ямах давно не отремонтированной дороги. Горячий воздух летел в открытые окна.

Лента шоссе то поднималась на возвышенность, то уходила в низину на поворот, огибая невысокие курганы. Белые «Жигули» ехали

по трассе уже полчаса, и за все это время война ничем не проявляла себя, только на шоссе было неестественно пусто. Из-под колес исходил низкий гудящий звук.

Гул из-под шин говорил о том, что по этой дороге совсем недавно прошла колонна тяжелой техники. Гусеницы танков оставляют на асфальте беловатые, словно нацарапанные следы, затем следы затираются колесами других машин, но гул остается, и по его звучанию можно определить, как давно здесь проходила техника; где она появилась на дороге и где ушла в поля. Это знать жизненно важно. Но взрослые не обращали на этот гул никакого внимания.

- Скоро море увидим, - повернувшись к внучкам, говорил дедушка. – Вон там, с правой стороны. Помните, как вы в том году на море ездили? Мама рассказывала, как вам там понравилось...

Ирина немного успокоилась. Пока выезжали из города, молодая женщина внутренне сжималась и шептала про себя, - «пронеси, пронеси». А за городом стало легче. Пространство степи дарило ощущение простора и свободы. Вокруг никого не было. И все равно мама понимала, что вздохнуть с облегчением она сможет только на границе.

– Цирк в Ростове один из лучших, - желая развеять напряжение в машине, продолжал рассказывать внучкам дедушка. – Вы же никогда в цирке не были? Вот мы и решили вас свозить! Львы, медведи, собачки, клоуны со смешными носами... Дети в зале визжат от восторга. Ростов большой город, - не такой как у нас. И везде магазины, и в каждом магазине - мороженое, - самое разное, сколько хочешь....

- Мама, жарко, - чтобы не перебивать дедушку, шёпотом произнесла Полина. В суете сборов мама надела ей на ноги кроссовки вместо сандалий и теперь ногам было парко и неудобно. Представлялось мороженое, о котором рассказывал дедушка, - огромный вафельный стаканчик с тремя белыми холодными шариками.

Но разыгравшееся воображение прохлады не приносило.

- Сандалии в сумке. В багажнике. Потом переодену. Давай кроссовки сниму, посидишь босиком, все равно бегать пока негде. Действительно, одела как на северный полюс, - ответила мама, раздевая на сидении дочь.

Дедушка в это время уже переключился на папу:

- Товарищ мой, - он тоже заядлый рыбак, - рассказывал он зятю, - Там Дон, есть где порыбачить. Помню, лещей мне копченых привозил, - жир аж капает. С пивом – милое дело....

Папа молча кивал головой, не отрывая взгляда от дороги. Год назад по этой трассе он возил семью на море. В машине было жарко, из динамиков гремела музыка, под ногами и в багажнике стояли сумки с купальниками, пледами и замоченным мясом для шашлыков. И настроение было под стать наполненным солнцем и радостью выходным дням, дети во все глаза смотрели в окошко, где скоро должна была открыться уходящая за горизонт блестящая гладь моря. Мелькали за окном вышки ЛЭП, их «Жигули» обгоняли другие машины, синело небо, и будущее казалось светлым, понятным и распланированным на годы вперед. В мире не было черных красок, и жизненная дорога представлялась длинной и ровной как это шоссе.

А на деле оказалось, что судьба человеческая может измениться в одно мгновение, мы не знаем, что нас ждет впереди, смотрим на солнце, говорим себе и другим: «завтра оно снова взойдет». А оно может и не взойти.

Во всяком случае, для нас.

- Смотрите, - вдруг произнесла сидящая на заднем сидении старшая дочь Юля, показывая пальцем куда-то левее. – Смотрите! Дым....

Тихое восклицание девочки вернуло всех к действительности. Где-то в километре по ходу машины дорога уходила на поворот, и за этим поворотом в небо поднимался столб черного дыма.

- Трава горит? – быстро спросила Ирина, подавшись вперед, но муж отрицательно покачал головой, показывая, что это не трава. Он сбросил скорость. В салоне воцарилось полное молчание.

Словно сомневаясь, стоит ли туда ехать, «Жигули» медленно покатались к повороту.

За поворотом в низине горел военный «Урал». Машина замерла на съезде в глубокий овраг. Догорал брезентовый тент на кузове, пламя языками лизало краску кабины, колеса оплавившись, ветровое стекло осколками рассыпалось по склону оврага. Трава под грузовиком выгорела. Ветер разносил по степи клубы черного дыма.

Папа медленно объехал место пожара, прижимаясь к соседней обочине. Все молчали. И дедушка молчал; не рассказывал больше о цирке и мороженом. Сидел тихо, глядя перед собой. И если бы кто-нибудь сейчас заглянул бы в его глаза, он бы увидел, что они стали каким-то по-детски растерянными и беспомощными.

Пахло гарью. Казалось, что вокруг ни души. Тишина, пустое шоссе и брошенный горящий грузовик. Общая картинка больше походила на фрагмент из сорок второго года, чем на реальность. Повсюду виднелись следы недавнего боя. Воронка на обочине с расходящимися по кругу

бороздами от осколков, срезанная верхушка тополя, ветви с шапками листвы валяющиеся на асфальте.

- Ох ты, - только и смогла сказать мама. Папа ничего не сказал, стараясь как можно аккуратнее объехать лежащие на дороге ветки, думая только об одном, чтобы под шинами не оказалось металлических осколков с острыми краями. Запаски в багажнике не было.

А затем где-то впереди в небе раздался тяжелый рокот, словно там шла гроза. Раскаты серией прогремели по степи и, затухая, стихли вдали.

- Огоньки, - тихо произнесла Полина. «Жигули» медленно проехали поворот. С правой стороны лесопосадка поредела, и все увидели, как вдалеке в степи, в небо поднялось несколько красных огоньков. Нестрашные и медлительные издали, они светились и падали по дуге. А затем, не долетев до земли, неожиданно превратились в черные дымки.

За ними поднялись следующие огоньки.

Папа резко свернул на обочину. Зашуршали шины по мелкому камню. В открытые окна «Жигулей» донеслись отзвуки серии глухих ударов.

Бледные красноватые огоньки взлетали в километре от места, где остановилась машина. Они словно зависали в синеве неба, а потом медленно опускались вниз, превращаясь в темные кляксы дыма. Звук ударов тугой волной разошелся по степи. Ахало так, словно над степью шла гроза, и при этом небо оставалось неестественно чистым и синим.

- Юра, что делать? – тихо спросила мама.

Но ее вопрос повис в воздухе. Теперь никто бы не смог сказать сидящим в машине, как поступить правильно. Комната в квартире дедушкиного друга, лавка на привокзальной площади Ростова, - любое место в безопасности уже воспринималось как что-то сказочное и нереальное. В эту минуту просто не верилось, что где-то на свете есть другая, мирная жизнь, - где люди спокойно ложатся спать, где не горят грузовики, не летят пунктиром в небо огоньки, где все проблемы и страхи большей частью выдуманы и воспринимаются взглядом из войны, как нечто пустое.

...Несколько часов назад по этой самой дороге мчался микроавтобус с девятью пассажирами. Водитель, таксист, заблаговременно отправивший свою семью в Краснодар, решивший, - что кому пожар, а кому погреться, пытался заработать на панике людей, беря с них за дорогу бешеные деньги. Женщины в микроавтобусе были бледными как полотно, одна из них вцепилась в плечо водителя, трясла его, и истерично кричала прямо в ухо:

- Куда ты нас повез? Здесь же стреляют!!! – На что водитель кричал в ответ:

– Женщина! Сядьте на место! Сейчас везде стреляют!

И гремели позади взрывов, машина летела со скоростью сто тридцать километров, разбивая вдребезги подвеску, люди в салоне подпрыгивали на сиденьях, ударяясь головами о потолок, и плакал чей-то грудной ребенок, и мать, вместо того чтобы его успокоить, сама пронзительно кричала от страха...

А водитель все давил на педаль газа, считая, что лучше, положившись на судьбу, гнать машину туда, где граница, где не стреляют, чем останавливаться, или возвращаться назад, где стрелять будут еще долго.

Водителю того микроавтобуса было проще, - в салоне сидели не его дети....

- Попробуем добраться до Старобешева. Должны же там быть люди. У них и узнаем, - что впереди, - после долгого молчания принял решение папа.

Он обернулся, чтобы ободряюще взглянуть на жену и дочерей, и маленькая Полина ясно увидела, что на его лбу проступили мелкие капельки пота.

На обочине стоял синий металлический указатель. Светоотражающая надпись говорила:

Старобешево -20 км

Новоазовск – 76 км

Ростов – 230 км

Но прямо посреди дороги, перечеркивая надежду попасть в любой из этих пунктов, стоял, делая рукой знак остановиться, долговязый военный в пятнистом маскхалате. На сгибе локтя он держал снайперскую винтовку. Рядом на обочине стояли еще несколько солдат.

- Приготовьте документы, - с каким-то скрытым облегчением попросил папа. Наученная опытом проверок на блокпостах Ирина торопливо полезла в сумочку, доставать паспорт и свидетельства рождения детей. Дедушка тоже приготовил паспорт.

Но на этот раз документы не потребовались.

- Дальше проезда нет, - произнес военный в маскхалате, подходя к остановившейся машине. – Разворачивайтесь назад.

В стрессовой ситуации мысли работают как бы отстранённо: сами по себе. Сидя в салоне вместе с детьми Ирина сейчас не думала о том, что им сейчас, похоже, придется возвращаться домой. Рассеянным взглядом она осматривала стоящих на обочине военных, - в касках, с автоматами, в тяжелых бронежилетах, с полным боекомплектом в разгрузках и думала о том, как им, наверное, жарко в своей амуниции на пекущем летнем солнце. Они были какими-то одинаковыми: молодыми, невысокого роста, худощавыми, ладными, в новенькой, еще нестираной форме с твердыми складками на сгибах. Как-то сразу было понятно, что это настоящие солдаты, способные часами ползти по траве в своих бронежилетах, способные мгновенно взобраться на крышу частного дома, перекатиться и прыгнуть вниз, готовые просочиться куда угодно, - упорные в обороне и наступлении.

- Мама, а эти дяди нас не убьют? – прижавшись к Ирине, шепотом спросила Полина, с испугом глядя на военных.

- Нет, доченька, - так же шепотом ответила молодая женщина и успокаивающе сжала руку дочери своей ладонью.

- Разворачивайтесь, - повторил подошедший к машине мужчина со снайперской винтовкой. Он выглядел прямой противоположностью тем солдатам; его лицо покрывал коричневый загар, глаза покраснели от бессонницы, под ногтями чернела окопная грязь. Все это Ирина успела отметить в одно мгновение, одновременно пытаясь сообразить, что им делать дальше.

- Послушай, командир, - обратился к нему папа в окно. – Мы беженцы и....

- Нет, это ты послушай, - оборвал его военный. – Там дальше техника разворачивается. Вперед проезда нет. И стоять тоже нельзя. Так что давай в обратную сторону.

С людьми с оружием в руках спорить не следовало. Путь вперед был закрыт. Это означало, что надо заводить заглушенный двигатель, разворачиваться и ехать назад, домой, в обратном порядке проделывая пройденный путь. Это значило, что они остаются на войне, что завтра им придется снова жить в полной беспросветности, при обстрелах прятать детей в ванной, а зимой жечь костры во дворах. Потому что ни отопления, ни света не будет, а будут только сводки с фронта, продуктовые пакеты на детей в длиннющих очередях, и одно на семью одеяло от Красного креста.

Домой, это означало - назад, - в вечный, не отпускающий даже во снах, страх.

Муж и дедушка молчали.

И Ирина решилась:

- Простите, пожалуйста, - она высунулась в окно, стараясь говорить, как можно вежливей. – Мы сами из Харцызка, хотели проехать к границе. У нас дети маленькие. Может, вы подскажите нам какую-нибудь объездную дорогу? Вы поймите, дети испуганны, да и мы тоже, - совершенно не знаем, куда нам теперь ехать.

Военный в маскхалате заглянул в салон. На его лице читались усталость и раздражение, но встретившись взглядом с Полиной, он подмигнул ей и попытался улыбнуться, правда, одними губами.

- Не знаю, девушка, - было заметно, что он искреннее желает помочь. – Сейчас везде такая каша.... Самое лучшее - заехать в ближайшее село, попросится к кому-нибудь, и переждать. Хотя.... Ладно, слушай, - мужчина нагнулся к окну, обращаясь к папе. – Машина нормальная, не заглохнет? Смотри.... Где-то в километре, откуда вы приехали, поворот на проселочную дорогу видел? Там дальше песчаный карьер. Попробуйте свернуть туда. За карьером километров пять по степи, а дальше снова проселок. Их много будет; разбитые, больше колеёй, но проехать можно. Главное, - гони! Машину не жалея. Если все хорошо, выскочите на трассу под самым Новоазовском. А там спокойно. Но это на свой страх и риск. Как повезет, - понимаешь...?

Военный смотрел на папу, и по его взгляду было заметно, что он прекрасно понимает, что сидящие в машине мирные и близко не представляют, что означает везение на войне.

- Угораздило вас выехать в самый разгар боев.... Ну, давай. Только гони! - он хлопнул ладонью по нагретому солнцем капоту. - На повороте сами решите - куда вам. Да, и еще. Белую тряпочку на антенну привяжите...

- Поехали, Юра, - коротко приказала Ирина, отодвигаясь от окна.

Через пару минут группа военных скрылась из вида.

Сколько не выбирай себе дорог, - окольных, проселочных, заросших травой тропинок, все равно они приведут тебя в назначенную судьбой точку. Так утверждают фаталисты. Но на самом деле будущее не предопределенно. Оно изменяется нашими молитвами и молитвами наших матерей.

Если только есть время успеть помолиться.

Память раннего детства уходит куда-то в темную глубину, но некоторые воспоминания сохраняются на всю жизнь. В сознании Полины четко осталась картинка годовалой давности.

Вот ей три годика; лето, в раскрытую форточку залетает шум затихающего города. В квартире уже сумерки, горит над детской кроваткой светильник. Рядом сидит мама, - точно такая же, как и сейчас, черные крашенные волосы собраны в хвост, глаза усталые и ласковые.

- Я расскажу тебе одну притчу, - говорит мама, поправляя одеяло. – Посылает как-то Боженка душу человека рождаться в мир. Ты же знаешь, кто такой Боженка?

- Да, - шепчет Полина, бросая взгляд на тускло мерцающую позолотой икону в углу.

- Так вот. Посылает Боженка душу человека рождаться в мир. А душа боится, говорит: «Мир людей очень злой, а я рожусь совсем маленькая, беззащитная, кто меня там будет оберегать?».

«Не бойся», - успокаивает ее Боженка. – «Я дам тебе Ангела-Хранителя».

- «А как мне его узнать на земле? Как я его там буду называть?», - спрашивает душа.

«Ты будешь звать его мамой», - отвечает Боженка....

- Ты поняла, о чем эта притча?

- Да, - засыпая, шепчет Полина. – Ты мой Ангел-Хранитель.

Но сейчас мама совершенно не походила на ангела-защитника. Машину подбрасывало, она вцепилась рукой в ручку на двери, другой прижимала к себе Полину, в ее расширенных черных глазах одновременно читались решимость и страх. Папа смотрел только на дорогу, пытаясь на полной скорости объезжать ухабы и ямы. Прошло полчаса с того момента как они съехали с основной трассы.

- Где-то здесь поворот, о котором говорил тот ополченец.... Вот он, - тогда произнес папа и крутанул руль, снова, какой раз за день съезжая на обочину. Затем он повернулся и посмотрел на детей и жену. – Ну что? Будем возвращаться домой, или...?

По правую сторону виднелась уходящая вдаль проселочная дорога. Где-то там предполагался желтый песчаный карьер, а за ним еще семьдесят километров бездорожья по приазовской степи. Взрослые долго смотрели друг на друга. Смотрели и молчали, и с лица дедушки не уходило беспомощное выражение. Полине и Юле было проще, дети полностью доверяли выбору взрослых. А затем папа сказал: «Может, рискнем?», и мама согласно промолчала, потому что лучше попытаться ехать туда, где есть надежда, чем возвращаться в гарантированное «плохо».

С того момента «Жигули» повернули на проселок, папа все давил и давил педаль газа, и в машине всех бросало друг на друга.

- Мама, пить хочу, - просила Полина, ее укачивало, но мама только отвечала, как заведенная, - «Сейчас доченька, сейчас», прижимая ее к себе.

Они проехали обрывистую впадину песчаного карьера и по желтой колее двигались маленькой точкой вглубь степных пространств, то пропадая в низинах, то с пробуксовкой поднимаясь на возвышенности. Под днищем шелестел несмятый ковыль, иногда там что-то билось, и тогда папа ругался вполголоса.

Все ждали звуков боя, но в той стороне, где остались военные, было тихо. Вообще над степью царила тишина. По мере того как «Жигули» уходили в сторону границы, общее напряжение в машине немного отпускало, а когда проехали перекресток с какой-то сельской дорогой с указателем направления: «Новоазовск», в глазах у мамы стал таять страх, они заблестели, она, словно помолодела и даже разругалась, и вроде как появились в машине улыбки. Дедушка перестал молчать и начал оживленно советовать папе, как объезжать ямы.

Что-то отпустило, сдавливающий сердце страх сменился надеждой, оцепенение прошло и теперь всем хотелось говорить, что-то делать, словами и жестами поддерживая друг друга.

- Юра, притормози, - попросила мама, и полезла в пакет, где стояли пластиковые бутылки с водой. – Полина, может, и бутерброд уже съешь? Юля, хочешь бутерброд? Дедушка приготовил....

- Мама, а детские садики в Ростове есть? – с набитым ртом спрашивала Полина. Ей тоже хотелось говорить, словами выдавливая из себя остатки пережитого страха.

- Есть.

- А котики там есть? – девочка перечисляла все, что приходило ей на ум.

- Есть. И котики есть, и собачки.... Пей аккуратней, видишь, машину трясет, - улыбаясь, говорила мама. Ростов уже не казался чем-то недостижимым, скоро должен был показаться поворот на основную трассу, а там до границы и спасения было рукой подать. Почему-то в памяти мелькнуло лицо женщины-беженки проклиняющей на пустом тротуаре труса президента Януковича, но Ирина тут же изгнала это воспоминание из головы.

О тех, кто остался позади, сейчас думать не хотелось.

Солдат сидел на обочине. Рукава его камуфляжной куртки были закатаны по локоть. Сразу бросалось в глаза, что его ладони измазаны разводами засохшей крови. Вторая рука зажимала левый бок.

На вид ему было лет сорок. Во всяком случае, Полине он показался стариком. Загорелое, морщинистое лицо с лучиками светлых полосок возле мутных, страдальческих глаз. На рукаве куртки шеврон украинских вооруженных сил. Он походил на переодетого в военную форму крестьянина, мобилизованного пчеловода. Позади сидящего на обочине мужчины зеленели кусты разросшейся лесопосадки, дальше открывался вид на степь, с маленьким одиноким белым домиком в поле. При более внимательном взгляде можно было заметить, что крыша домика разрушена; окна вылетели вместе с рамами, а рядом темнеют круги свежих воронок. Автомата у военного не было. Он постоянно морщился, не отнимая черную от крови и пыли руку от бока.

- Юра, не вздумай! – выдохнула мама.

Но папа уже нажал на педаль тормоза.

- Помогите, - коротко попросил солдат, когда «Жигули» мягко подкатали к нему вплотную.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь жужжанием мух. Затем в эту тишину вторгся какой-то далекий гудящий звук, но тогда никто не обратил на него внимания. Все смотрели на раненого. Несмотря на то, что машина остановилась, он продолжал держать правую руку поднятой.

- Попали под обстрел. Еще утром, - морщась, пояснил мужчина, кивнув головой куда-то в сторону. - Меня зацепило. Все разбежались, а я сюда вышел. Возьмите меня. Возле любого нашего блокпоста высадите....

- Поехали, Юра, - резко приказала мама.

Но на этот раз папа ее не послушал.

- Слушай, друг, - перегнувшись через дедушку, ответил он солдату. – Мы на Ростов. Там украинских блокпостов нет. И, кроме того, – видишь, машина полная. Ты уж не обижайся.... Дети у нас. Единственное что можем сделать, - аптечку тебе оставить. Ириш, посмотри позади аптечку. Там бинты и йод.... И еще воды тебе вынесу. Сейчас, подожди....

А в следующую минуту произошло то, что навсегда останется в памяти Полины, что будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь. Все происходило быстро и неотвратимо, словно она столкнулась с тупой безжалостной силой, которой нет дела до последствий ее действий. Все дальнейшее длилось всего пару минут, мелькнуло и навсегда осталось в прошлом, которого уже ничем не изменить, потому что над прошлым нет власти даже у Бога.

Папа вышел из машины, вынося солдату две теплые бутылки с водой. Непонятный гул усилился. Шум приближался, из общего гудения распадаясь на отдельные звуки. Стал слышен рев двигателей.

- Танки, - охнул дедушка, схватившись за ручку двери.

Два приземистых тяжелых танка, перегазовывая, свистя турбинами, поднимая гусеницами пыль, быстро шли по полю; за белым домиком повернув прямо на сидящих в машине людей.

Люди в танках не стали разбираться, - кто перед ними. Они увидели белые «Жигули» и кого-то в военной форме рядом с ними. Никто не стал задумываться, - мирная ли это машина, или там внутри сидят гранатомётчики.

На войне некогда думать.

Сердце в секунду заполнил страх; схватил за горло, не давая дышать.

- Мамочка, - прошептала Юля. Ее глаза оказались прямо возле лица Ирины, - большие; черные от расширенных зрачков.

Папа оставался стоять возле раненого солдата, он взглянул на танки, а затем сквозь ветровое стекло посмотрел на Ирину. С какой-то необыкновенной пронзительностью Ирина вдруг почувствовала, - какой он родной. У Полины была его улыбка, у Юли его глаза.

Выстрелов слышно не было. Вначале был стук и треск, как будто кто-то с силой кинул в машину горсть металлических шариков. В заднем стекле появились дырки, оно треснуло и посыпалось, затем посыпалось лобовое стекло, что-то свистело мимо, летела листва с ближайших кустов, полетели на землю срезанные ветви. Голова сидящего спиной дедушки вдруг дернулась, брызнула красным и завалилась набок. С треском и свистом вспоролась обшивка. Те пули, что пролетели мимо, медленно таяли огоньками в степи.

А затем сознание уловило уходящий вдаль грохот пулемётной очереди.

Муж стоял, как и стоял, только на его лице появилась какая-то нелепая, дурацкая улыбка. Все происходило в доли секунды. Никто ничего не успел понять, кроме солдата, который сразу упал на землю.

Время словно растянулось в вечность. Передний танк не стал тратить патроны. Как при замедленной съемке Ирина увидела, как его расплющенная, покрытая кирпичиками брони башня на ходу поворачивается прямо на нее. Длинная пушка задвигалась вниз-вверх.

- Это всё? – спросила сама себя молодая женщина. И себе же ответила. – Всё!

Если бы она сидела между дочерьми, она бы смогла пригнуть их к сидению и лечь на обоих, закрывая их своим телом. Но она сидела сбоку и успела поджать под себя только Полину. «Я дам тебе Ангела-Хранителя. Он закроет тебя собой от всех бед», - сказал в притче Боженька. Мамино тело прижимало ее к сидению, руки обнимали и прятали голову. Полина услышала, как мама сама закричала - «Мамочка». А потом был свет и тишина.

Сознание возвращалось постепенно. Вначале в ушах появился тяжелый звон, затем стали видеть глаза. Машина была заполнена дымом. Танков не было, они стрельнули и уехали.

Что-то не давало дышать. В ушах было мокро и жарко. С трудом различая в дыму контуры салона, Ирина медленно приподнялась с дочери, села, и прижала ладони к ушам, желая приглушить ноющий звон. На ладонях осталась кровь.

Неспешно, как-то отстраненно, еще не помня, что с ней произошло, Ирина разглядывала растертую кровь на ладонях. Затем так же медленно осмотрелась по сторонам.

Дым рассеивался. Передней части «Жигулей» почти не было, сразу за сидениями образовался проем, с рваными кусками метала по краям. Потолок свисал над головой. Двери с ее стороны тоже не было. И дедушки не было, и мужа. Там, где он стоял, чернела яма воронки, и кругом валялись какие-то кровавые ошметки.

- Мама..., мама..., - донесся в сознание сквозь шум в ушах слабый голос дочери.

Спина онемела, стала какая-то чужая, словно вместо кожи там образовался камень. Отзываясь на голос, Ирина посмотрела на находящуюся рядом дочь и только сейчас начала вспоминать, что произошло несколько минут назад.

Полина сидела на вспоротом сидении, вокруг торчало искорёженное железо. На первый взгляд дочка была абсолютно цела.

- Ты не ранена? - интуитивно стараясь говорить, как можно короче, не узнавая своего голоса, спросила мама. Она первая взглянула на место, где сидела Юля и тут же прижала младшую дочь к себе:

- Не смотри туда. Не надо.... Не будешь смотреть на сестренку? Обещаешь?

Полина торопливо закивала головой.

Снаружи послышался какой-то шорох, и в следующий момент в машину заглянул солдат, из-за которого по сути все и произошло.

- Успел на землю лечь. Тошнит только, - забыв о своей ране в боку, мужчина ощупывал голову. Его руки тряслись. Похоже, он тоже еще не осознавал случившееся.

- Слушай, помоги нам..., - мама говорила отрывисто и тихо. А затем вдруг закашлялась. Она кашляла долго и мучительно, пытаясь избавиться от какой-то гадости, застрявшей в легких. Полина видела, что она кашляет кровью. И еще девочка увидела, что майка на спине мамы разрезана осколком и тоже вся мокрая от крови.

Позже, помня до мельчайших подробностей каждое мгновение того момента, помня близкое лицо матери с очерченными под глазами черными кругами, помня провисшее рваное железо над головой и дымящуюся обшивку, она никак не могла вспомнить себя. Ей казалось, что она кричала, но, наверное, крик не вышел наружу, он бился внутри, уйдя куда-то в сердце, оставаясь там навсегда. А внешне она молчала, жадно, неотрывно смотря на маму, и кивая при каждом ее слове.

- Подожди, сейчас..., все хорошо, - откашлявшись, мама вытерла губы ладонью, размазав кровь по щекам и подбородку. Она вновь попыталась приподняться и вновь застонала. - Слушай, - повернулась она к солдату. - Похоже, мне уже не встать. Я не хотела тебе помогать, муж хотел.... Прости.... Забери дочку. Доведи ее до людей.... Молю тебя, пожалуйста....

- Мамочка, - выдохнула Полина.

- Сейчас, доченька.... Сейчас..., - мама снова тяжело закашлялась, откашливаясь кровью. Затем со стоном нашла под ногами сброшенную аптечку. Достала оттуда упаковку бинта. В глазах все плыло, на каждое движение требовались невероятные усилия. Ее сумочка оставалась на сидении, она вытащила из нее свидетельство рождения Полины и кое-как привязала его бинтом к голой ноге дочери. Сознание работало с поразительной ясностью, только мутнело в глазах, плохо слушались руки, и нечем было дышать. К другой ноге дочери она привязала все деньги, какие нашла в кошельке. Все было как во сне, не верилось, что это происходит наяву.

- Давай, доченька..., иди к дяде..., перелезь через меня..., Дяденька тебя спасет. Ты спаси ее, солдат.... Поклянись. Как тебя зовут? – ее блестящие глаза впелись в лицо мужчины.

Мужчина принял на руки дрожащую Полину, поставив ее на землю. Он видел, что женщина умирает, что у нее осталась последняя минута и эту минуту она хочет побыть одна. В отведенные ей секунды молодая

женщина хотела успеть оплакать свою старшую дочь, которую не смогла спасти, оплакать своего мужа и отца. И еще умолить небо оберегать ее младшую дочь, – сироту.

Полине хотелось зажмурить глаза, а когда открыть, увидеть маму целой и невредимой, улыбающейся, без крови на лице. Мелькнуло в памяти воспоминание, - она маленькая, познавая мир, в котором есть жизнь и смерть, пристает к маме с расспросами, - куда деваются люди, когда умирают. Куда денется сама мама?

- «Я»? – смеется мама. – «Я стану дождиком. И папа тоже станет дождиком. Будем поливать тебя, чтобы ты быстрее выросла. Но это будет очень нескоро».

И как только это вспомнилось, губы Полины искривились и задрожали. Но она не заплакала, стояла, и жадно смотрела на мать, словно ждала от нее чего-то самого важного.

- Ну, иди к маме, - сказала Ирина. И Полина мгновенно прижалась к ней, как слепой котенок.

А потом у мамы горлом пошла черная кровь.

Солдат взял Полину за руку и повел в сторону лесопосадки. Девочка постоянно оборачивалась. Она все еще не плакала. Просто оборачивалась и смотрела на искорёженные «Жигули», пока видимость не заслонили ветки кустарника.

Потом снова был бой. За теми двумя танками по полю в прорыв прошли еще два.

Можно было видеть, как танки, спрятавшись за какой-то пологой возвышенностью, маневрировали, переезжали с места на место, останавливались и, окутываясь пылью, чуть отдавая при выстрелах назад, страшно били из пушек куда-то в степь.

До вечера мужчина с девочкой прятались в лесопосадке.

А вечером, когда начало темнеть сорокалетний мужчина сказал ей: «Слушай, пить хочу, не могу. Ты маленькая, тебя не видно, проберись к машине, где-то там должны валяться бутылки с водой».

И Полина послушно побежала к тому месту, где осталась ее семья. Кругом гремело и грохотало, степь озарялась красными всполохами. До «Жигулей» было метров двести, она бежала, спотыкаясь и падая, а затем долго искала бутылку с водой в траве. В наступающей темноте был виден лишь контур остатков машины, из разбитых «Жигулей» не доносилось ни звуков, ни стонов: кругом было мертвенно и тихо, мама

окоченела, ее души уже здесь не было, и Полина, понимая это, не стала заглядывать в салон. За этот день она повзрослела на жизнь вперед.

Она принесла воду солдату, он жадно выпил почти всю бутылку. Обычный взрослый дядька, призванный на войну по повестке, чужой человек; не стоило от него ждать героизма и самопожертвования, - не бросил ее в степи, и на том спасибо.

К ночи у Полины поднялся жар. Губы и язык стали сухими, глаза заблестели, она покраснелась, дыхание стало коротким и прерывистым. Температура поднялась под сорок градусов. Организм не знал, как бороться со спрятанным внутри пережитым и реагировал по-своему. Реальность исчезла, уступая место сказке. В той сказке все оставались живы, девочку поочередно несли на руках то папа, то дедушка, то сестричка, и в туманном бреду Полина точно знала, что они несут ее к маме.

Удобнее всего ей было смотреть на небо; там мерцали звезды, где-то там находился Боженька, и можно было поговорить с ним, пожаловаться на свою судьбу. Одна из звезд светила намного ярче других, она явно жила, слушала ее, и даже приближалась. А затем где-то рядом загрохотало, и к этой звезде полетела строчка красных звездочек с земли.

Это был беспилотник с подсветкой для камеры наблюдения: его сбивали, но в сказке девочки никаких войн в этом мире не было, - просто звездочки встречались друг с другом.

- Ты не теряй сознание, живи, - говорил ей солдат, только сейчас вспоминая, что даже не знает ее имени. Он на руках переносил Полину в те места, где ему казалось безопасней, а когда клал на землю, подкладывал под нее свою задубевшую от крови куртку и приставлял к губам бутылку с остатками воды. Наверное, он был неплохим человеком, только испуганным, сломленным войной. Кто-то после говорил, что он не бросил девочку, только потому, что понимал, что прорыв остановлен, что утром вокруг будут ополченцы, и спасение девочки являлась для него гарантом, что его сгоряча не расстреляют.

Может быть и так, но хочется думать, что он просто, по-человечески ее жалел, потому что исполнял клятву, данную умирающей матери.

- Ты держись, - говорил он, всматриваясь в темноте в лицо девочки.
- Утром пойдем искать людей....

На самом рассвете, когда солнце только вставало над степью, растворяя первыми лучами дымку тумана в низинах и балках, на блокпосте перед Старобешево, сидящий за мешками с песком часовой заметил на дороге какое-то движение. К блокпосту одинокой точкой

приближался человек, - но какой-то странный, вроде как утолщающийся кверху.

- Эй, кто идет? Стрелять буду! - крикнул часовой, и чтобы подтвердить серьезность своего предупреждения, подвинулся к стоящему на мешках пулемету и дал поверх головы идущего короткую очередь.

Рядом в неглубоком окопе зашевелились отсыпавшиеся после ночного боя ополченцы.

- Не стреляйте! Здесь ребенок, - донесся в ответ хриплый голос.

Мужчина нес девочку в руках, прикрыв ее своей курткой. Никто его конечно не расстрелял. Так уж устроены люди, - они готовы убивать друг друга, но дети для них священны. Ему сделали обезболивающий укол, перебинтовали рану, посадили к костру. Когда он рассказывал о том, что произошло, из его глаз текли слезы. Про то, что он заставил девочку ползти за водой, мужчина не упомянул. В этот же день, без лишних проволочек, его передали украинской стороне.

Полину без сознания доставили в центральную травматологию Донецка. В те дни шли массовые поступления, к крыльцу приемного покоя больницы постоянно подъезжали машины с ранеными. Когда девочку на руках вносили в отделение, из дверей вышли два солдата с пустыми носилками и долговязый мужчина в пятнистом маскировочном халате, с винтовкой СВД на ремне. Он рассеяно посмотрел на девочку, сделал шаг вперед, а затем остановился, вспоминая, где он мог ее видеть. Мелькнула в памяти семья в белых «Жигулях».

- Слушай, брат... - окликнул он ополченца, несущего Полину. – Я эту девочку вчера видел. С ней еще родители были, и сестричка....

- Убиты все. Она одна выжила, - коротко ответил ополченец.

Военный в маскхалате взглянул на привязанные к ногам деньги, на впавшие закрытые глаза ребенка, в одну секунду представляя себе, что произошло с этой девочкой, - что она пережила, и что ей еще предстоит пережить, когда она придет в сознание, когда к ней вернется память.

Полину уже занесли в отделение, солдаты с носилками сели в микроавтобус, а он все стоял на крыльце, смотря куда-то невидящим взглядом, и курил одну сигарету за другой, причем было видно, что его пальцы подрагивают.

В приемном покое оказалось, что свидетельство рождения девочки не соответствует ее возрасту. Свидетельство было выписано на имя Юлии Пановой, десяти лет. Мама перепутала документы. Поэтому в графе больничной карточки вместо имени и фамилии было написано -

«безымянная», в графе – «родители», - «предположительно сирота», в строчке диагноза - «контузия и крайнее нервное истощение».

Когда она пришла в себя и начала односложно отвечать на вопросы, все узнали, что ее зовут Полина. Она кричала по ночам, будя детей в соседних палатах, а днем оставалась замкнутой и молчаливой. Спустя две недели ее нашла бабушка, - мама отца и забрала к себе домой.

В доме бабушки о том, что произошло, старались не говорить. Бабушка только повторяла, что Боженька пообещал, что все мертвые обязательно воскреснут. Девочка понимала это.

Она знала, что они встанут рядом, отмытые от крови, одетые в белые одежды, и радость той встречи с ними уже никто не отнимет.

И еще она знала, что это неправда, что у Бога нет власти над прошлым. Придет время, и наша память омоется; всех, кто заставлял нас плакать, мы забудем, плохие воспоминания не будут нас больше тревожить. С нами останутся лишь те, кого мы хотим видеть, и это навечно.

Мама и вся ее семья и сейчас были вместе с ней. Девочка это чувствовала. Тем, кто любит, не нужен постоянный зрительный образ, достаточно чувствовать родных сердцем.

Жаркое и пыльное лето закончилось, на смену пришла осень. Как-то во время дождя девочка вышла во двор. Бабушка в это время готовила обед в летней кухне. По радио читали стихи женщины из Горловки. Они были совсем коротенькие, женский голос негромко произносил выстраданные строки:

«Бьет война тебя в центр и околицы,
Моя Горловка, моя горлица.
По домам, - по деревьям-веточкам,
Да по женам, и малым деточкам...»

У бабушки моментально навернулись слезы. Захотелось в эту же секунду прижать Полину к себе. Она выскочила во двор и сразу остановилась. Полина стояла под дождем, подняв мокрое лицо к небу и, улыбаясь, что-то шептала. Каким-то шестым чувством бабушка поняла, что девочку сейчас беспокоить нельзя.